

ПРОБЛЕМА НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ПРОШЛОГО В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

А. П. Вырупаева

Международный институт дизайна и сервиса, Челябинск, Россия. annavyrupaeva@yandex.ru

Национал-социалистическое прошлое Германии является глубокой незаживающей раной немецкой истории. Способы осознания данного периода – довольно различны – от вытеснения прошлого из сознания до его принятия как страшной, разрушительной части германской истории. Современная художественная литература отражает существующую в настоящее время в массовом сознании жителей ФРГ тенденцию на принятие всей правды о нацистском прошлом. Наиболее яркими примерами здесь являются такие произведения, как роман Бернхарда Шлинка «Чтец», написанный для взрослой аудитории, и повесть Урсулы Крафт «Наблюдатели», созданная для детей младшего школьного возраста.

В первом случае столкновение с национал-социалистическим прошлым происходит через фигуру молодого человека Михаэля Берга, у которого завязывается роман с женщиной вдвое старше его. События разворачиваются уже в послевоенное время, но у возлюбленной героя оказываются «тёмные пятна» в биографии, связанные с «канувшим в небытие» нацизмом. Второе произведение предлагает иносказательный подход, повествуя о преследованиях зеленоглазых людей. Оба примера являют собой попытку принятия собственной истории и всей правды о нацизме.

Ключевые слова: *места памяти, национал-социализм, антисемитизм, западногерманское правосудие, художественная литература, «Чтец».*

Современная немецкая историография довольно осторожно относится к введённому Пьером Нора понятию «места памяти». Последнее в концепции французского учёного получило широкую трактовку в современной исторической науке и означает место, в котором «память народа концентрируется, кристаллизуется в особой мере» [Francois, Schulze: 2005, P. 8]. Это могут быть различные памятники, мемориалы, могилы великих, здания, символы и эмблемы, как, например, французский триколор или «Марсельеза», а также отдельные исторические личности и события. Но в Германии 1980-х гг., когда появились труды Нора, со скепсисом отнеслись к этому подходу: есть ли у немцев – разобщённой нации – единые места памяти?

Однако в 1990-е годы, после объединения страны, данная концепция начинает получать распространение и здесь. Вместе с тем, в чистом виде перенести её на германскую почву оказалось довольно трудно. По мнению немецких историков, Франция Нора «представляет собой ясную, согласованную картину, своего рода ностальгический взгляд... Труд Нора это почти объяснение Франции в любви. Однако такой подход мало подходит для Германии – не только из-за её национал-социалистического прошлого, но и гораздо большей разобщённости» [Francois, Schulze: 2005, P. 8].

Долгое отсутствие государственного единства, деление на протестантский север и католический

юг, послевоенное разделение на ФРГ и ГДР, сохраняющееся своеобразие земель «мешает» выстраиванию единой исторической памяти и её общих «мест». К сожалению, первым государственным деятелем, который попытался объединить всё многообразие немецких традиций и исторических картин в единое целое – миф о великогерманском рейхе – оказался Адольф Гитлер. Период национал-социализма стал общим для всех немцев «местом» германской памяти.

Способы осознания данного исторического периода – общегерманской зоны памяти – довольно различны: сознательное забывание, как это было в первые послевоенные десятилетия, дистанцирование, и, наконец, принятие его как страшной, разрушительной части своей собственной истории. Довольно яркие экземпляры данных реакций на этот исторический этап предлагает немецкая художественная литература. Наиболее значимыми примерами последней модели «принятия» выступают два художественных произведения, появившиеся во второй половине 1990-х – начале 2000-х гг.: роман Бернхарда Шлинка «Чтец» [Шлинка: 2015] и повесть Урсулы Крафт «Наблюдатели» [Kraft: 2001]. Первое из них было создано для взрослой, второе – для детской аудитории.

Роман Шлинка появился в 1995 г. и сразу стал бестселлером. Книгу перевели на несколько языков, экранизировали, и, наконец, включили в немецкую школьную программу для старших клас-

сов. В настоящее время в ФРГ существует целый ряд учебных методик, предназначенных для изучения романа. В их рамках старшекласники осмысливают несколько блоков произведения. К ним относятся проблемы взаимоотношения полов в разрезе «молодой мужчина – зрелая женщина», вопросы неграмотности и исторический аспект. Последний включает две проблемы: национал-социализм и опыт послевоенного поколения – людей, родившихся в последние годы нацизма и после него, и ставших перед вопросом осмысления преступлений своих соотечественников.

Сначала школьники анализируют эпоху 1950-х, с которых начинается повествование романа, когда его главный герой 15-летний Михаэль Берг встречает 36-летнюю кондуктора Ханну Шмиц. Женщина помогает ему на улице – Михаэль заболел желтухой и его тошнит – и доводит домой. После выздоровления герой приходит её благодарить и между ними завязываются интимные отношения. Через некоторое время любовница неожиданно просит «малыша» читать ей книги и он прочитывает вслух почти всю гимназическую программу по литературе, начиная от «Одиссеи» Гомера. Изучая эту часть романа с исторической точки зрения, школьники пытаются выяснить особенности повседневного существования первых послевоенных десятилетий в Германии.

Обращение к теме нацизма начинается со второй части книги, когда повзрослевший герой, студент юридического факультета, неожиданно встречает Ханну в зале суда. Женщину, которую он страстно любил и не видел последние восемь лет, обвиняют в смерти трёхсот заключённых лагеря «Освенцим». В ходе процесса Михаэль узнаёт всю правду о прошлом своей возлюбленной. Работая над этой частью романа, немецкие старшекласники вспоминают внутреннюю политику нацизма, подробно рассматривают историю «Освенцима» и других концлагерей, изучают материалы судебных процессов над нацистскими преступниками. Особое внимание здесь уделяется Гермине Райн – главной фигурантке единственного за всю историю западногерманского правосудия судебного процесса над женщинами, служившими в охране концлагерей. Процесс длился с 1975 по 1981 гг. В его рамках судили пятнадцать эсэсовских охранников в концлагере Майданек, в том числе пять женщин-надзирательниц. Часть из них была оправдана, часть – получила небольшие сроки заключения, и только в одном случае был озвучен приговор на пожизненное заключение. Речь шла о Гермине Браунштайнер, в замужестве – Райн. Бывшую надзирательницу обнаружил в

1964 г. «охотник за нацистами» Симон Визенталь в Нью-Йорке. К тому времени дама жила размеренной жизнью обычной домохозяйки. Соседи восторженно отзывались о ней, характеризуя, как «самую дружелюбную женщину, которую они знают», муж называл «ангелом» [Süddeutsche Zeitung Magazin: 1996]. На процессе Гермине Райн – постоянно менявшая шерстяные костюмы и вязаные шапочки – читала американские газеты, разгадывала кроссворды, мастерила. Женщина с обиженным «лицом домашней хозяйки, которую оторвали от плиты и кофейника» [Ibid] не признавала свою вину. Гермине Райн, защищая себя, делала акцент на свою малообразованность, молодость и неопытность. По её словам она не могла адекватно оценить творящуюся вокруг несправедливость, т.к. у неё не было жизненного опыта: «ведь тогда мне было всего 19 или 20 лет» [Ibid]. Подсудимая говорила, что была «шестерёнкой в механизме», «маленьким звеном в цепи, которую была не в силах разорвать» [Ibid]. По её словам она делала всё то, что сейчас делают надзиратели в любой другой колонии.

Главная героиня романа «Чтец» Ханна Шмиц очень похожа на Гермину Райн. Ханна – безграмотна (не умеет читать и писать), была молода, когда пошла на работу в концлагерь, у них с Гермине Райн даже одинаковые прозвища. Михаэль как-то любовно называет свою возлюбленную Ханну лошадью, потому что у неё «кожа гладкая и нежная, а тело сильное и крепкое» [Шлинк: 2015, С. 66]. Известно, что Гермину Райн в концлагере называли «Кобыла». Это прозвище она получила за то, что пинала узниц коваными сапогами [Шлинк: 2015, С. 198].

Вместе с тем, в поведении обеих женщин в лагере существуют коренные расхождения. Ханна не прибегала к оскорблениям, не применяла физическую силу, долго не посылала «самых слабых девушек в Аушвиц, потому что те ей читали... она выбирала их для чтения, потому что хотела скрасить их последний месяц, и потому что их всё равно отправили бы в Аушвиц» [Шлинк: 2015, С. 107]. Гермине Райн, ставшая через пять месяцев после начала работы надзирательницей заместителем коменданта женской секции лагеря Майданек, была, по словам «поймавшего» её Визентала, «бестией». Согласно свидетельским показаниям бывших заключённых, Гермине Браунштайнер оскорбляла и избивала женщин и детей. Так, она наносила побои девочкам, которые жаловались на голод или неправильно носили свои номерные знаки [Ibid]. Однажды она избивала детей суповой поварёшкой за то, что те что-

то разбили [Ibid]. Её также обвиняли в расстреле заключённых при их попытке к бегству. Детей и младенцев Майданека она называла «беспольными едоками», женщин – «дерьмом». Отметим, что по последним оценкам в концентрационном лагере Майданек погибло около полмиллиона человек [Süddeutsche Zeitung Magazin: 1996].

В 1981 г. суд приговорил Гермину Райн к пожизненному заключению. На протяжении всего заключения Райн ни с кем не общалась и единственный человек, с которым она сохранила контакты, был её муж, продолжающий верить в невиновность жены. В апреле 1996 г. её – тяжелобольную, передвигающуюся в инвалидной коляске – освободили. Спустя три года она скончалась.

В рамках изучения романа «Чтец» немецкие школьники проводят детальное сравнение биографий реальной и литературной надзирательниц. Гермину Райн и Ханна Шмиц сравниваются по целому ряду показателей, включая возраст, профессиональную деятельность до национал-социализма, жизнь во время и после войны, поведение на процессе, завершение жизненного пути.

Последний вопрос, который рассматривается школьниками во время изучения книги, касается проблемы вины. Здесь одновременно анализируется вина Ханны и Михаэля. В такой постановке вопроса, кажется, заключается ключ к пониманию романа, где автор пытается разрешить проблему послевоенного поколения, столкнувшегося с преступным наследием родителей: «для моего поколения... это было частью реального жизненного опыта. Ведь это относилось не только к тому, что происходило во времена Третьего рейха. Осквернение еврейских надгробий знаками свастики, множество старых нацистов, занимающих ныне высокие посты..., непризнание государства Израиль, недостаточная информированность о тех, кто уехал в эмиграцию или участвовал в Сопротивлении, и выдвинувшиеся на первый план фигуры бывших приспособленцев – всё это наполняло нас жгучим стыдом...» [Шлинк: 2015, С.153]. Для героя проблема оказывается вдвойне сложнее ввиду продолжительной любовной связи с бывшей надзирательницей лагеря, что не позволяет ему «показывать пальцем на виновных». Михаэль как бы олицетворяет собой целое поколение молодых немцев, рождённых после войны, а Ханна – саму Германию с нацистским клеймом. Молодой герой не в состоянии изменить как прошлое своей возлюбленной, так и свои чувства к ней. Он признаётся, что любит преступницу: «Я любил её. Не только любил, я избрал её.

Я пытался убедить себя, что, избирая Ханну, ничего не знал о её прошлом. Пытался убедить себя в собственной невиновности, с какой дети любят своих родителей. Но любовь к родителям – это единственная любовь, за которую не несёшь ответственности» [Ibid]. Как Нора, так и Бернхард Шлинк объясняется своей книгой Германии в любви, сожалея и скорбя о её прошлом и не давая ей за него отпущения грехов. Не прощающая, но «понимающая» позиция автора вызывает широкие споры в общественности о его книге внутри и за пределами Германии. Отметим, что при изучении романа для немецких школьников одним из центральных становится вопрос: «Не умаляются ли преступления нацистского режима ввиду его изучения через фигуру Ханны Шмиц?».

В 2001 г. в ФРГ была опубликована очередная художественная книга, отсылающая к национал-социалистическому прошлому. Речь идёт о детской повести школьной учительницы Урсулы Крафт «Наблюдатели». Произведение предназначено для детей в возрасте 8–10 лет. В настоящее время оно используется на уроках, а также на мероприятиях в учреждениях, занимающихся изучением и сохранением современной истории.

События книги разворачиваются в маленьком городке Вайнах, где живут брат с сестрой Матти и Кати. Со временем дети замечают, что в их городе творится что-то неладное: здесь стали преследовать людей с зелёными глазами. Малахитовцев – так называют зеленоглазых горожан – обвиняют в том, что они – опасные чужаки, которые говорят на «нашем» языке, одеваются и ведут себя как «мы. И всё же они не такие как мы». Несмотря на то, что зеленоглазые люди живут в городе уже более ста лет, подобные заявления приводят к настоящей истерии: малахитовцев преследуют в школе, на работе, в общественных местах. Однажды отец Матти и Кати, семья которых не была зеленоглазой, рассказал, как сидящий напротив него в автобусе человек отодвинул в сторону его газету и стал внимательно рассматривать его лицо. «Честно сказать, я сначала подумал, что он сумасшедший, – признавался отец. – Но сейчас мне ясно, он хотел узнать мой цвет глаз» [Kraft: 2001, P. 9].

Через некоторое время в городе начинают публично поносить малахитовцев, бойкотировать их конторы, громить лавки, увольнять с работы. Так, один зеленоглазый знакомый доктор, рассказал семье героев, что от него ушли многие пациенты: «Меня обвиняют в том, что я недостаточно быстро лечу людей, пытаюсь таким образом заработать больше денег» [Kraft: 2001, P. 17]. Вско-

ре через весь город распространяются листовки, призывающие всех «истинных жителей Вайнаха» «проснуться»:

«В нашем городе живут те, кто тащит деньги из наших карманов! Оглянитесь, и вы быстро заметите, кто это. Кому принадлежит большинство магазинов? Уже сто лет они обогащаются за счёт нас – чужаки с другой внешностью, другими обычаями и другим богом. Вы хотите, чтобы зеленоглазым принадлежал весь город? Если нет, действуйте!» [Kraft: 2001, S.8].

Сначала без покупателей, а затем погромленной – с разбитыми стёклами и разрисованными стенами – оказывается и продуктовая лавка родителей лучшего друга героев – зеленоглазого Аруна.

Своим произведением автор «Наблюдателей» проводит прямые параллели с нацистской Германией. Бойкоты, погромы и закрытие доступа немецким евреям к различным видам деятельности становятся одной из главных примет Третьего рейха. Антисемитская политика начинается здесь с однодневного бойкота 1 апреля 1933 г., который со временем перерастает в постоянную акцию, обеспечиваемую постами штурмовиков перед входами зданий и регулярными облавами. Вот как описывает одну из них публицист Себастьян Хафнер: штурмовики «протопали» во врачебную приёмную, «пустую, белую и прибранную. Они строго и опасно-изучающе оглядели сверкающие медицинские инструменты.

– Кто-нибудь был здесь сегодня, – спросил предводитель.

– Нет.

– Тогда другое дело, – повторил главный... И он с напарником, стуча сапогами, прошёл по всем комнатам, бросая вокруг недоверчивые, испытующие взгляды...» [Хафнер: 2016, С. 191].

Погромы и вандализм с начертанием на витринах гнусных надписей выливаются 9 ноября 1938 г. в печально известную «хрустальную ночь», когда по всей Германии было разгромлено более 8 тысяч магазинов и 1 тысячи синагог [Wildt]. Обоснованием подобных действий среди прочего выступало скоро ставшее обычным и популярным мнение: то, что у евреев чаще всего престижные и доходные профессии. На нацистских карикатурах «неарийцев» изображали отъевшимися господами во фраках с перстнями на каждой руке. Последовательно в Третьем рейхе евреям закрылся доступ к госслужбе, преподаванию (включая частные уроки), врачеванию, фармацевтике, адвокатуре, получению научных степеней, охоте и даже профессии мясника. Так называемая «ариязация» собственности – от запрета на получение

заказов до отчуждения предприятий – привела к выталкиванию еврейского бизнеса из немецкой экономики. Еврейские директора фирм должны были «убраться» и передать руководство «арийцам» [Хафнер: 2016, С. 158]. Эти мероприятия дополнялись другими: исключением из учебных заведений, запретом посещать кино и театры, иметь водительские права, радио, патефоны, велосипеды, домашних животных. С 1941 г. на верхней одежде всех евреев старше девяти лет должна была находиться жёлтая шестиконечная звезда со словом «еврей» на чёрном фоне.

В маленьком мирке Вайнаха происходит нечто подобное: бойкоты, погромы, увольнения и травля. В качестве агрессивных паролей на стенах лавочек, принадлежащих негодным зеленоглазым владельцам, здесь выступает знак в виде зелёного глаза. Горожане активно собираются на «анти-зелёные» митинги, с воодушевлением разделяя лозунг: «Малахиты – все бандиты!». Подобных воззрений придерживаются как молодые, так и пожилые люди, считающие, что «малахитовцы отнимают у них работу, дома и заработок» [Kraft: 2001, P. 22]. Через некоторое время городские власти решают обязать всех зеленоглазых жителей носить на одежде специальную нашивку в форме глаза. Одновременно начинается большой «анти-малахитовый» поход: зеленоглазых увольняют с работы, врываются в их дома, арестовывают и отправляют в тюрьмы. В результате многие из них решают уехать из города или носить контактные линзы голубых и коричневых цветов.

Не желая мириться с подобным положением вещей, и стремясь помочь своему лучшему другу – зеленоглазому Аруну – Матти и Кати начинают борьбу. Дети узнают от Аруна, что давным-давно его предки жили на острове Малахос в Южном море. Дни недели островитяне называли по цветам радуги: понедельник – красный, вторник – оранжевый, а четверг – зелёный. Своё название Малахос получил от камней, которые находились на острове. Это были малахиты, имеющие «мягкий, изумрудный свет». Зелёные камни использовали для изготовления украшений, лечения людей, а тот, кто пил воду из малахитового кубка получал способность понимать язык зверей. Возможно, по словам Аруна, малахиты стали причиной изгнания его предков с острова, т.к. «другие захотели завладеть этими драгоценными камнями» [Ibid].

В итоге Матти, Кати и Арун создают группу сопротивления «Наблюдатели», к которой присоединяются их друзья и многие взрослые. Стоит ли говорить, что отважные дети побеждают зло?

Знакомясь с этой книгой, немецкие школьники обсуждают содержание, оценивают отдельные сцены, интерпретируют их. После чего следует следующий этап: педагоги объясняют, что повесть имеет непосредственную связь с реальностью. Далее происходит рассказ про национал-социалистическое прошлое Германии.

Анализ двух наиболее ярких художественных попыток современного осмысления национал-социалистического прошлого позволяет говорить о смене ориентиров в массовом сознании: от забывания до выяснения всей правды о своей истории.

Отметим, что в первые два послевоенных десятилетия среди жителей ФРГ преобладало «нежелание знать», «стремление забыть», о чём красноречиво говорили разразившиеся в середине 1960-х гг. дебаты об отмене срока давности за нацистские преступления, когда более 60% немцев выступали за прекращение преследования на-

цистских преступников [Сайнакова: 2012, С. 145]. Другая менее распространённая реакция выразилась в дистанцировании. Например, как в романе Генриха Бёлля «Бильярд в половине десятого» (1959), где немцы условно делились на принявших «причастие буйвола» (палачей) и «причастие агнца» (жертв). В 1970–80-х гг. массовое историческое создание западных немцев начало меняться: большинство из них теперь было готово столкнуться лицом к лицу с прошлым и принять всю правду о Третьем рейхе [Там же]. Отныне «преодоление прошлого» стало выражаться не в отказе или дистанцировании от него, а в принятии всей правды. Общее болезненное «место памяти» – национал-социалистическая Германия – стало «зоной контакта» поколений, где младшие задают старшим соотечественникам вечный вопрос «почему?», и пытаются детально разобраться с прошлым своей собственной страны.

Список литературы

1. Сайнакова В. С. Дискуссия в Западной Германии по вопросу об отмене срока давности привлечения ответственности за преступления национал-социализма в 1964–1965 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 1. С. 142–146.
2. Хафнер С. История одного немца. Частный человек против тысячелетнего рейха. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2016.
3. Хлебников Б. Автопортрет второго поколения. Послесловие переводчика. // Шлинк Б. Чтец. СПб.: Азбука, 2015. С. 197–209.
4. Ширер У. Взлёт и падение Третьего рейха. М.: АСТ, 2016.
5. Шлинк Б. Чтец. СПб.: Азбука, 2015.
6. Deutsche Erinnerungsorte. Eine Auswahl. Hrsg. E.Francois, H.Schulze. München: Verlag C.H. Beck, 2005.
7. Kraft U. Die Hingucker. Buchecker Verlag, 2001.
8. Süddeutsche Zeitung Magazin. 13 Dez., 1996.
9. Wildt M. Verfolgung der Juden / Bundeszentrale für politische Bildung. Verfolgung URL: <http://www.bpb.de/izpb/137221/verfolgung?p=4> (дата обращения: 13.09.2018).

Сведения об авторе

Вырупаева Анна Павловна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Международного института дизайна и сервиса, Челябинск, Россия.
annavyrupaeva@yandex.ru

Magistra Vitae.
2018. No 2. P. 154–159.

THE PROBLEM OF NAZI PAST IN CONTEMPORARY GERMAN FICTION

A. P. Vyrupeva

International Institute of Design and Service, Chelyabinsk, Russia. annavyrupaeva@yandex.ru

The national socialist past of Germany is a deep aching wound of the German history. Ways of understanding this period are quite different: from the removal of the past from the memory to its adoption as a terrible, destructive part of the German history. Modern fiction takes the current trend in the common

historical awareness of the inhabitants of Germany to accept the ultimate truth about the Nazi past. The most striking examples here are the novel «Der Vorleser» («The Reader») by Bernhard Schlink, written for the adult audience, and the story «Die Hingucker» («The Observers») by Ursula Kraft, created for children of the primary school age.

In the first case, the clash with the national socialist past occurs through the figure of a young man called Michael Berg, who has an affair with a woman twice his age. The events occur in the postwar period, and the beloved one has some «skeletons in the closet» associated with Nazism that «sunk into oblivion». The second story is allegorical by nature, telling about the persecution of the green-eyed people in a small town. Both examples tell about accepting personal history and the ultimate truth about Nazism.

Keywords: *memory spaces, National Socialism, antisemitism, West German justice, fiction, «The Reeder».*

References

1. Sajnakova V. S. (2012) Diskussija v Zapadnoi Germanii po voprosu ob otmene sroka давности privilechenija otvetstvennosti za prestuplenija nazional-sozialisma v 1964-1965 [Discussion in West Germany about cancel of Statute of Limitations for Nazi Crimes in 1964-1965], in: *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. No. 1, pp. 142–146 (in Russ.).
2. Khafner S. *Istoria odnogo nemza. Chastnyii chelovek protiv tysjacheletnego reiha* [One german's story. Private man vs Nazi Germany]. SPb, Izdatel'stvo Ivana Limbaha (in Russ.).
3. Khlebnikov B. *Avtoportret vtorogo pokolenija. Posleslovie perevodchika* [Self-portrait of second generation. Afterword of the translator]. SPb, Azbuka, pp. 197–209 (in Russ.).
4. Shirer W. *Vzljet i padenie tretjego reiha* [Rise and Fall of the Third Reich]. Moscow, AST. (in Russ.).
5. Shlink B. *Chtez* [The Raeder]. SPb, Azbuka (in Russ.).
6. *Deutsche Erinnerunsorte* [German memory spaces]. Munich, Verlag C. H. Beck (in German).
7. Kraft U. *Die Hingucker* [The Observers] (in German).
8. *Süddeutsche Zeitung Magazin. 13 Dez., 1996.* [South German Newspaper] (in German).
9. Wildt M. *Verfolgung der Juden / Bundeszentrale für politische Bildung. Verfolgung* [Persecution of Jews]. URL: <http://www.bpb.de/izpb/137221/verfolgung?p=4>, accessed 13.09.2018 (in German).